

Татьяна Вольтская

«И если было – то со мною ли?»

* * *

Кто я, Господи, откуда я,
Почему в ночи не сплю,
Плечи в старый свитер кутаю,
От простуды водку пью?

Почему дорога лужами
И ухабами полна,
Почему чужого мужа я
Слушать за полночь должна?

Почему трава не кошена,
И удобства во дворе,
Карандашик в сумке кожаной,
В сердце – точки да тире?

Почему, как заговдрено,
Прет – бурьяном – естество:
Как заводишь речь – не вовремя,
Как полюбишь – не того?

И не дивно ли, не странно ли,
Что заплаканной семьей
Облака летят, как ангелы,
Надо мной и над землей?

Зима

Исаакий плодовит и кряжист,
И ангел спит в его коре.
Сутулый Достоевский, тяжесть
Дворцов, построенных в каре.

И тут же – пушкинская легкость –
Свернешь по улице – видна,
Поддерживавшая под локоть
И Майкова, и Кузмина,

И город, весь припорошенный
Тончайшей пудрой ледяной,
Как будто в сердце пораженный
Любовник оперный, со мной

Немного постоит – и рухнет,
Глаза пустые закатив,
Помяв парик, забросив туфли
С большими пряжками в залив.

Французский

Все языки как языки, и только французская речь
Умеет, как мяч над сеткой, летать, бежать, подпрыгивать, течь.
Она похожа на старый парк, на аллею в солнечных пятнах,
На речку – ты можешь ее не знать, и все же она понятна.
Все языки как языки, а этот ты просто пьешь,
В животе появляются пузырьки, в пальцах – легкая дрожь,
Он вьется дорогой вокруг горы, трещит дровами в печи,
А когда Пиаф пропоет – *Rien* – ты в обмороке почти.
Хорошо, что Пушкин на нем болтал, обычаю не перечая, –
Французский лился из всех плотин на мельницу русской речи.
Да нет, не братья, не двойники – а просто зима, темно,
Метель, перепутаны женихи, отчаянный взгляд в окно.

* * *

Надо же, старая перечница, смотри-ка,
Ты еще хочешь жить, любить,
Продаешь квартиру, полную окостенелых криков
Страсти, горя, ненависти – любых.
Вот она, жизнь, откалывается кусками
Ладожского льда, уплывая с шорохом по Неве,
Крутясь под мостами, обещая вернуться, – песенка городская,
Застрявшая в ухе, горло царапающая. Не верь!
Ах, ты не хочешь сидеть, перебирая прошлое,
В мамином кресле, сливаясь с обоями, но пока
Ты спишь, будущее – железной горошиной
Под дырявой периной толкает тебя в бока.
Неужели ты думаешь заковать это каменное болото,
Обойти со спины извивающуюся страну,
Все ее скользкие шеи, ядовитые зубы, вышедший из моды
Пыточный реквизит? Ну-ну.
Ты думаешь, новые стены не будут к тебе суровы,
Из соседних окон на тебя не нахлынет мгла?
Здесь на каждой стене – непросохшие пятна крови,
Запомни, куда бы ты ни пришла.
Этот город пропитан смертью – не до идиллий,
А сестренка любовь – попрошайка, дворничиха, швея:
Разрывая объятия, из каждой комнаты кого-нибудь уводили.
Кто знает, чья теперь очередь. Может быть, и твоя.

* * *

Лене Чижовой

Мы были счастливы вполне,
Когда нам кляп из пасти вынули –
Не зарыдали по стране,
Не оглянулись – руки вымыли.

Мы проиграли, ты и я,
Бездарно прогуляли оттепель.
Наш крест
взвалили сыновья –
Нам уготованный – и вот теперь

Не нам, а им – тюрьма и кнут.
Мы рядом – плачущей свитой
Пойдем, не нас, а их распнут.
Опять. И это мы их выдали.

* * *

Из трав, от ветра пошедших в пляс,
Из лужи, из глины сырой
Господь слепил тебя в первый раз,
А я леплю во второй.

Из мрака, из талого снега, слез –
Ловя губами, леплю:
Плечо проступает, щека и нос,
И губы, то бишь *люблю*.

Из мха, где комар заложил вираж,
Где прель под еловой корой,
Господь слепил меня в первый раз,
А ты слепил во второй.

Уже проступил под твоей рукой
Затылок, висок, плечо:
Я не видала себя такой
Ни разу. Еще, еще!

* * *

Мы будем точкой с запятой на зимней мостовой,
А снег летит, как Дух святой, над нашей головой,
Не спрашивая имени, у века на краю.
Люби меня, прости меня за песенку мою.
Сквозь пригороды страшные вези меня в такси,
Вон шарфик твой оранжевый – заклятье от тоски,
От свирепеющей чумы и от лица земли,
Куда смотреть обречены, пока не замели

Сугробы нас или менты и прочие кранты,
Всегда под боком у беды, что прячется в кусты.
Ночь растворяется в снегу, как кофе в молоке,
Касается замерзших губ и гладит по щеке,
Но вдруг отступит на шагок, на два шажка всего:
На теле у меня ожог от тела твоего,
И на столе пестреет снедь, и кажется нежна
Возлюбленная жизнь,
и смерть – законная жена.

* * *

Мои ли это руки, Господи,
Мои ли в зеркале глаза?
А на стекле – дождинки оспины,
А за спиной – леса, леса.

И мой ли это голос слышится –
Глухой, дающий петуха?
А где-то пробегает лыжница
Через сосновые меха,

Оранжевое солнце низкое
Садится за микрорайон,
И бабушка с зеленой мискою
Виднеется в дверной проём,

И ты в прихожей – куртка синяя
И запотевшие очки –
Тире и точки, пятна, линии,
Обрывки, сполохи, клочки.

И сколько крови это стоило –
А выплеснулось, как вода,
И если было – то со мною ли,
И если делось – то куда?